

Татьяна Кузовкина

Jurij Mann, *La poetica di Gogol'*, traduzione italiana a cura di Cinzia De Lotto, Lithos, Roma, 2014, pp. 490.

Жизнеописание писателя – всегда новое прочтение и всего корпуса созданных им текстов, и всех фактов его жизни. Ю.В. Манн анализирует творчество Гоголя почти пятьдесят лет, многие годы возглавляет группу ИМЛИ по подготовке нового академического собрания сочинений писателя. Его *Гоголь* – это итог, подведение черты, суммирование и переосмысление накопленного материала. Отметим, что первая книга биографии вышла в 1994 году¹, после перестройки, когда появилась возможность без эзопова языка приводить идеологически неуютные факты, источники, имена – и современников писателя, и более поздних его интерпретаторов. Юрий Владимирович спешил сказать то, чему не могла уже препятствовать цензура, и сумел это сделать. В 2004 г. вышло продолжение биографии: к первой, исправленной и дополненной книге, Манн присоединил вторую². В 2009 г. вышла последняя – третья книга³.

Трагическая и загадочная биография Гоголя, как и многомерное его творчество, дают материал для построения блестящих исследовательских концепций. Еще при жизни писателя его 'делили' между собой славянофилы и западники. У каждого нового литературного направления и литературоведческой школы появлялся свой Гоголь. Есть Гоголь в толковании символистов, есть «вульгарно-социологический» Гоголь, есть – истово-православный, есть и 'постмодернистский'. Ю.В. Манн пытается освободить Гоголя от всех оберток интерпретаций: стиль его биографического повествования бесстрастно-академический, лишенный стремления к риторическим красотам и пышному концептуализированию. Подход – классический и традиционный: пересмотр источников. Поэтому в

---

¹ Ю.В. Манн, «Сквозь видный миру смех...»: *Жизнь Гоголя: 1809–1835 гг.*, Московский институт развития образовательных систем, М., 1994.

² Ю. В. Манн, *Гоголь: Труды и дни: 1809–1845*, Аспект Пресс, М., 2004, ([Книги 1, 2]). Далее в тексте мы цитируем это издание с указанием в скобках: римскими цифрами – книги, арабскими – страницы; аналогичным образом цитируется и третья книга.

³ Ю.В. Манн, *Гоголь: Завершение пути: 1845–1852*, Аспект Пресс, М., 2009, [Книга 3].

тексте Манна в первую очередь звучит голос самого Гоголя, затем – голоса его современников (не только именитых, но и малоизвестных: нежинских ‘однокорытников’, случайных попутчиков, соседей). Некоторые из этих свидетельств – открытия самого автора, результат многолетних архивных изысканий. Юрий Владимирович восстанавливает факты биографий малоизвестных знакомцев Гоголя, подробно реконструирует контекст и содержание их общения с писателем. Задача биографа – сравнить разные свидетельства, чтобы как можно ближе подойти к реконструируемой действительности, не замутив те стекла, за которыми хранится исследуемый объект – реальная жизнь и эволюция творчества Гоголя.

Тщательное сопоставление источников обнаруживает порой несостоятельность некоторых исследовательских концепций. Так Юрий Владимирович доказывает, что нет оснований говорить о ссоре Гоголя и Пушкина накануне отъезда первого за границу в 1836 г., оспаривает и мнение Ю.М. Лотмана о том, что Пушкин отдал Гоголю для *Мертвых душ* сюжет *Русского Пелама*. Блестящее знание эпохи и тонкий анализ гоголевских свидетельств позволяет исследователю поддержать тех, кто оспаривает и модную концепцию Саймона Карлинского о гомосексуальной любви Гоголя и Иосифа Виельгорского.

Непредвзятое и внимательное прочтение источников, позволяет Манну избежать схематизма. Так, если в советское время в разногласиях между Гоголем и В.Г. Белинским второй половины 1840-х годов взгляды Белинского признавались прогрессивными, то после перестройки полярность в оценках сохранилась, но теперь со знаком ‘плюс’ стали оценивать позицию Гоголя. Манн еще раз обращает внимание на мнения современников, в частности, на П.В. Анненкова и развивает его наблюдение о неоднозначности позиции «неистового Виссариона». Парадоксальным образом в позициях Гоголя и Белинского оказывается много сходного, например, в мрачных оценках революционного пути социальных преобразований.

Обстоятельно, без политкорректных умолчаний, Манн говорит об украинофильских настроениях Гоголя, проявившихся в *Ночи перед Рождеством* и *Пропавшей грамоте*, или об антисемитских пассажах. Отмечает, как высоко ценил Гоголь польскую культуру, прежде всего – творчество Адама Мицкевича, и восхищался единением польской нации в борьбе за независимость. На примерах из второй

редакции *Тараса Бульбы*, свидетельств о том, как высоко ценил Гоголь красоту католических храмов, а также рассматривая биографические пересечения с представителями польской культуры (Адам Мицкевич, Юзеф Залеский) и католическими деятелями, Манн показывает, насколько искренен был писатель, когда в 1837 г. писал матери: “Потому что как религия наша, так и католическая совершенно одно и то же, и потому совершенно нет надобности перемешивать одну на другую” (цит. по: II, 512).

Для Манна в творческой эволюции Гоголя нет разрывов и скачков, она “<...> одновременно монотонна и прерывиста; каждая ее стадия находится внутри предыдущей, но осуществляется путем выдвигания вперед и усиления прежних элементов” (I, 302). Понимание цельности эволюции гоголевского творчества и духовного развития присоединяет Манна к той исследовательской традиции (прежде всего К. Мочульского), в которой Гоголь не ‘разрывался’ на две части, как в интерпретациях Андрея Белого, Г.А. Гуковского и целого ряда других исследователей.

Повествование Ю.В. Манна, построенное на строго хронологическом принципе, фокусируется на ‘узлах’ гоголевского бытия и творчества. В ранней биографии и в первых произведениях Манн изучает зачатки тех внутренних движений, которые привели к кризису позднего периода: ранний Гоголь, который для многих исследователей и современников – прежде всего веселый автор комических текстов, по Манну, гораздо многозначнее. Исследователь описывает те самые “хвостики душевных состояний”, которые должны были быть побеждены веселостью, подчеркивает, что гоголевский смех являлся творческим переключением, сублимацией. И *Мертвые души* и *Ревизор* – род психологической терапии, “лечения смехом”. Важные узлы – встречи со смертью близких по духу людей (И. Вильегорского, Н.Н. Шереметевой, Е.М. Хомяковой), создававшие особое ощущение скоротечности и хрупкости всего живого и в первую очередь – искусства и литературы. Манн убедительно показывает, что идеи *Выбранных мест из переписки с друзьями* прочитываются в самых ранних гоголевских произведениях (предназначение женской красоты, отношение к писательству как к служению, требование всеохватывающего взгляда на историю и современность и другие).

В тексте также убедительно показано, что поздний гоголевский профетизм есть развитие юношеского стремления “раскрыть тайну своего существования”. Этим стремлением определялись частые

перемены в поисках поприща – государственного, актерского, художнического, педагогического и, наконец, писательского. “Ему казалось, что он сумеет открыть и сформулировать нечто существенно важное, что сделает его необходимым всей государственной машине и вознесет его на самую вершину общества” (I, 212).

Гоголь у Манна – человек благородный. Это доказывается и подробным разбором поведения Гоголя-лицеиста во время процесса по “делу о вольнодумстве” в Нежинском лицее, и рассказом о том, как в 1838 г. писатель ни словом не выдал польских эмигрантов Петра Семеновича и Иеронима Кайсевича, которые стремились обратить его в католичество, а в 1845 г. не присоединился к хору осуждавших официально преследуемого П.А. Бакунина.

Манн не боится писать о медицинской стороне гоголевских кризисов, называя их “невропатологическими состояниями” (II, 732), но решительно защищает писателя от обвинений современников и исследователей в неискренности. Так, об изменении планов путешествия к Святым местам в 1848 г., Манн пишет: “Это не симуляция, а действительная изменчивость и текучесть мотивов. Гоголь не притворяется, не играет роль; напротив, стремится к предельной откровенности <...>” (III, 129). Описывая трагические последние дни писателя и самый тяжелый из его кризисов – религиозный, Манн защищает его от сухой констатации Мочульского (Гоголь “вступает в последний круг своего ада – в пустыню богооставленности”). По Манну, даже если Бог оставляет Гоголя, тот продолжает самоотверженно доказывать свое “право на высшее участие, на высокую миссию”: “Это право он вымолит, выслужит <...> завершением своего труда, своей Книги жизни”.

Недавно фундаментальная монография Юрия Манна о Гоголе была переведена на итальянский язык известным славистом и гоголеведом Чинцией Де Лотто.

Перевод особенно точно передает стиль автора и демонстрирует глубокое понимание подхода ученого и его точки зрения со стороны переводчицы⁴. Чинция Де Лотто старается прояснить ‘сложные’ моменты анализа с целью лучше передать смысл и воспроизвести цельность текста Манна. Отрывки из гоголевских произведений даны в новом переводе; с целью точнее передать интерпретации

⁴ Об этом переводе см. также рецензию И. Ремонато Ju. Mann, *La poetica di Gogol*, traduzione dal russo di C. De Lotto, «IntraLinea», 2014, на сайте http://www.intralineat.org/reviews/item/2051_29.12.2014

Манна. Послесловие, сноски и примечания к тексту содержат ценную библиографическую информацию для итальянского читателя.